

Чжоу Минъянь развернул бумагу.

— Пока я жив, это заявление будет действовать. Теперь вы можете отдать мне книжку прописки.

Когда Чжоу Минъянь вывел Тун Цяня за ворота, тот всё ещё был в замешательстве.

Всё так просто решилось?

Он планировал сам всё уладить, а потом показать Чжоу Минъяню уже переоформленный документ, чтобы удивить его.

Он был готов к отказу, к упрёкам и даже к побоям.

Но ничего из этого не произошло.

Чжоу Минъянь просто написал заявление, и все трудности исчезли.

Вспомнив об этом, он тут же схватил уходящего Чжоу Минъяня за руку.

— Минъянь, Минъянь, ты что, отдал всё своё наследство?

Чжоу Минъянь продолжал идти, не обращая на него внимания.

Тун Цянь, чувствуя себя неловко, пробормотал:

— Хотя в будущем мы заработаем куда больше, чем стоит этот дом, но, вспоминая, как они с тобой обращались, я бы хотел, чтобы они остались ни с чем, а ты им всё отдал.

Если бы это случилось с ним, он бы ни за что не написал заявление и не позволил бы этой мерзкой паре добиться своего.

Чжоу Минъянь злился.

Он уже три дня не разговаривал с Тун Цянем.

Исчезла привычка гладить его по голове.

Не было улыбок, ласк и даже объятий.

Тун Цянь опустил голову, уши его висели, словно у хаски, который провинился перед хозяином.

Глупый и жалкий.

Чжоу Минъянь перевёл взгляд с двери на книгу.

На этот раз Тун Цянь перешёл все границы.

Не только потому, что он пытался узнать прошлое Чжоу Минъяня, но и потому, что он осмелился взять двух ничего не понимающих мальчишек и отправиться с ними в незнакомую деревню за несколько километров.

Его смелость была безграничной, и, казалось, он совсем не беспокоился о том, что его могут похитить.

Холодная война, начатая Чжоу Минъянем, продолжалась уже пять дней, когда Тун Цянь наконец не выдержал.

Вечером, как только они легли в постель и свет погас, он резко перевернулся и навалился на Чжоу Минъяня.

— Слушай, я скажу это только один раз.

Чжоу Минъянь не реагировал, словно уже заснул.

— Я говорю, прости, мне не стоило лезть в твою личную жизнь. Надеюсь, ты меня простишь.

Долгая пауза.

Тун Цянь стиснул зубы, ожидая.

Он показал достаточно раскаяния и искренности, и, если Чжоу Минъянь снова его проигнорирует, он... он месяц не будет с ним разговаривать.

В темноте Чжоу Минъянь спокойно заговорил:

— Я злюсь не из-за этого.

— Тогда из-за чего?

Чжоу Минъянь медленно объяснил свои чувства.

— Тун Цянь, ты пришёл из будущего, ты взрослый, но, в конце концов, тебе сейчас всего десять лет, и ты хрупкий ребёнок. Даже взрослый, не говоря уже о ребёнке постарше, может тебя одолеть.

— Но в глубине души ты считаешь себя достаточно самостоятельным и делаешь всё, не советуясь. Покупаешь петарды, идёшь к моему дяде и тёте — ты так поступаешь, и это беспокоит не только маму, но и меня.

Тун Цянь никак не ожидал, что Чжоу Минъянь злится из-за его беспечности.

Подумав, он понял, что тот прав.

Он привык быть самостоятельным с тех пор, как окончил школу, и привык всё делать сам.

Но сейчас всё иначе.

Он не одинок, у него есть сестра, мама и лучший друг.

Он должен думать и о них.

Тун Цянь расслабил руку, которой опирался на Чжоу Минъяня, и лёг на него.

— Ладно, ладно, я понял, что был неправ, и извиняюсь. Обещаю, что впредь буду советоваться с тобой, чтобы вы не волновались.

Чжоу Минъянь поднял руку и погладил его мягкие волосы.

Чувство успокоения охватило Тун Цяня, и он слегка расслабился.

— Хе-хе, но ты тоже должен мне всё рассказывать, ведь мы теперь семья.

Сегодня Чжоу Минъянь оформил все документы.

Он тихо занял последнюю страницу в семейной книге семьи Тун.

Рядом с Ван Пинпин, Тун Пань'эр и Тун Цянем.

С этого дня они стали настоящей семьёй.

С увеличением светового дня жизнь в доме постепенно наладилась.

Трое детей каждый день ходили в школу, делали уроки и жили по расписанию.

Ван Пинпин по-прежнему была занята, но теперь не приготовлением рисовых шариков, а весенними полевыми работами.

Когда Тун Цянь впервые узнал об этом, он чуть не взвёл глаза к небу.

Мама, я же показал тебе быстрый способ разбогатеть, зачем ты снова возвращаешься к работе в поле?

Ответ Ван Пинпин был полон крестьянской логики.

— Если не пахать, что мы будем есть?

Есть рис, выращенный кем-то другим.

Как бы Тун Цянь ни уговаривал, Ван Пинпин не хотела отказываться от своего участка земли.

Более того, она помогала другим обрабатывать их поля, уходила рано утром и возвращалась поздно вечером, обедая прямо в поле, и получала за это всего десять юаней в день.

В этот вечер Ван Пинпин, как и ожидалось, вернулась поздно.

Дети сами разогрели еду, поели, помылись и легли спать.

Хотя в некоторых домах уже были телевизоры, в доме Тун Цяня их не было, как и других развлечений.

Каждый вечер перед сном наступало время, которое он и Чжоу Минъянь называли «полуночными беседами».

Тун Цянь толкнул лежащего рядом мальчика.

— Минъянь, ты такой умный, может, у тебя есть идея, как уговорить мою маму вернуться?

Несмотря на успехи в бизнесе, высокая прибыль и нестабильный доход заставляли Ван Пинпин сомневаться.

Мышление, сформированное тысячелетиями сельского хозяйства, нельзя изменить за один день.

К тому же, как говорится, горбатого могила исправит.

Тун Цянь, услышав это, пнул Чжоу Минъяня ногой.

— Я не ожидаю, что ты превратишь мою маму в успешную бизнесвумен за одну ночь, но я хочу, чтобы она перестала надрываться в поле и сосредоточилась на зарработке.

Работа в поле была слишком тяжёлой, и, если бы не необходимость, в эту эпоху, когда механизация ещё не была широко распространена, никто бы не хотел быть крестьянином.

Ван Пинпин привыкла к труду, но её сын не мог этого выносить.

Чжоу Минъянь с привычной лёгкостью начал массировать его плечи и шею, словно глядя ленивого кота.

— Это нельзя сделать быстро. Дай мне два дня, я подумаю, как поступить.

— Хорошо, — Тун Цянь лежал под одеялом, покорно позволяя ему гладить себя.

Если Чжоу Минъянь не мог что-то сделать, то и он, скорее всего, не справится. Осознание своих ограничений было одним из немногих достоинств Тун Цяня.

Через два дня Чжоу Минъянь изложил свой план.

— Этот твой план... не слишком ли он жесток?

Увидев, что Чжоу Минъянь выглядит обиженным, Тун Цянь поспешил добавить:

— Но я уверен, что он сработает.

Чжоу Минъянь объяснил:

— Мама уже в возрасте, её взгляды сформировались, и чтобы быстро изменить её отношение к миру, нужно прибегнуть к крайним мерам.

Тун Цянь подумал и согласился.

И вот однажды вечером, когда Ван Пинпин, уставшая, вернулась домой и ещё не успела прибраться, её дочь сообщила, что брату плохо.

Тун Цянь был недоношенным, родился на седьмом месяце, и с детства часто болел, иногда у него внезапно поднималась температура.

Услышав, что ему плохо, Ван Пинпин тут же бросила всё и повела его в деревенскую больницу.

Там сказали, что всё в порядке, и советовали отдохнуть, но дома Тун Цянь продолжал жаловаться на недомогание, хотя не мог точно сказать, что именно болит.

После этого Ван Пинпин перестала работать в поле и отвезла его в большую больницу в городе Цзинхай.

В итоге выяснилось, что у ребёнка врождённый порок сердца.

Это известие шокировало не только Ван Пинпин, но и самого Тун Цяня.

Честное слово, он просто хотел симулировать болезнь, чтобы подтолкнуть маму к решению

зарабатывать деньги.

И вдруг у него действительно нашли болезнь!

Тун Вэйлун: Эй, а я? Я тоже в этой домовой книге!

Тун Цянь: Чего выпендриваешься, всё равно вырву твою страницу!

<http://bllate.org/book/16382/1482549>